

борьбе. В коррумпированном обществе резко падает мораль, поскольку растет убежденность в безнаказанности, возможности существовать вне рамок официального законодательства. Таким образом, происходит девальвация цивилизованных социальных регуляторов поведения людей. Формируется скептическое правосознание, включающее коррупцию в категорию обычного, привычного, неизменного, а, следовательно, требующего не сопротивления, а приспособления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кривошеев В. В. Криминализация общества: сущность процесса / В. В. Кривошеев. — Калининград, 2000. — 111 с.
2. Шугуров М. В. Утопия, или странствие в смысловых далях сознания / М. В. Шугуров // Философский век. Альманах. — Спб. : Санкт-Петербургский центр истории идей. — 2000. — Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. — С. 158—169.
3. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. — 759 с.
4. Уледов А. К. Общественная психология и идеология / А. К. Уледов. — М. : Политиздат, 1985. — 268 с.
5. Гордиенко А. Т. Основные моменты массового сознания / А. Т. Гордиенко. — Киев: Наукова думка, 1993. — 185 с.
6. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. — М. : Мысль, 1983. — 288 с.
7. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм / Н. И. Матузов // Теория государства и права. — Саратов, 1995. — С. 509—516.

Почтарь Олег Олегович – аспирант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Пивдінноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського»

УДК :100+301+302.2

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ М. А. РОЗОВА

Социальные эстафеты – это исходный, базовый механизм социальной памяти, который дает о себе знать буквально на каждом шагу нашей жизни.

Ключевые слова: социальная эстафета, социум, куматоид, социальная память.

ТЕОРИЯ СОЦІАЛЬНИХ ЕСТАФЕТ М. А. РОЗОВА

Соціальні естафети – це основний, базовий механізм соціальної пам'яті, який дає про себе знати буквально на при кожному кроці нашого життя.

Ключові слова: соціальна естафета, соціум, куматоїд, соціальна пам'ять.

M.A. ROZOV'S THEORY OF SOCIAL RELAYS

Social relay – is the source, the basic mechanism of social memory, which makes it felt at every step of our life.

Key words: social relay, society, kumatoid, social memory.

Коммуникативная природа нашего взаимосуществования неизбежна. Вся наша жизнь – это непрерывное общение, коммуницирование, трансляция опыта, традиций, навыков, знаний, умений от человека к человеку, от поколения к поколению, объединения нас в непрерывную цепочку взаимодействующих между собой индивидов, перенимающих, воспринимающих и генерирующих в будущее информацию которую российский ученый М. А. Розов характеризовал «социальной памятью». Данная статья и будет посвящена рассмотрению того, благодаря чему мы понимаем то, кем мы есть, кем мы были, кем можем стать, что мы сделали, и что еще предстоит сделать. Ведь все, что мы, люди, знаем не возникло просто так, из ничего. Процесс формирования, испытания, трансляции, накопления, усвоения и преобразования опыта, формирующего социальную память,

очень длителен. М. А. Розов объясняет этот механизм с помощью своей «теории социальных эстафет», которую я и взял за основу своей научной статьи.

Попробуем выяснить, что же представляет собой теория социальных эстафет, что предшествовало ее развитию и появлению в свете науки о социуме, о человеке и их взаимодействии.

Теория социальных эстафет, как утверждают ученики и последователи М. А. Розова, выросла из его попыток подойти к анализу научного знания по стандартам естественной науки и, в первую очередь понять способ его бытия как надличностного явления. Кроме того, важно было объяснить феномен понимания человеком научного текста, найдя его основания за пределами человеческой ментальности. Ими и стали социальные эстафеты. М. Розов говорил, что теория социальных эстафет изначально формировалась из проблем эпистемологии или, точнее: «Из глобальной проблемы способа бытия знания и семиотических объектов вообще» [1, С. 167]. Постановка этой проблемы обусловлена тем, что гуманитарные науки и эпистемология в их числе имеют дело с текстом, который выступает в двух ипостасях: с одной стороны, это некоторое материальное, вещественное образование, представленное звуковыми колебаниями, пятнами краски на бумаге и т. д., а с другой, – нечто несущее смысл, значение, нечто нами понимаемое. При этом знание безразлично в широких пределах к материалу своего воплощения, к характеру звуков, красок, бумаги. Содержание знания не зависит от того, записали мы наши мысли на камне, коже или папирусе, произнесли вслух или занесли в электронную память компьютера. Интересное литературное произведение может в виде книги лежать на столе, или стоять на полке в старой библиотеке. Но где и как существует богатый, интереснейший и захватывающий мир его героев. Имеет оно чисто субъективное и индивидуальное бытие или может, представляет собой нечто социально значимое? И если верно последнее, то каковы механизмы его надындивидуального существования? Проще говоря, текст напоминает зеркало, при рассмотрении которого есть возможность углубиться в мир Зазеркалья. И мы, люди, постоянно пользуемся этой возможностью безотносительно к тому, лежит перед нами художественное произведение или научная монография, слушаем ли мы прекрасную музыку или созидаем картину известного художника. Конечно, набор действующих лиц будет при этом различен, различно будет и наше к ним отношение и восприятие каждого из нас тоже будет различным, но во всех этих случаях естественно встает вопрос об устройстве зеркала и о тех «законах оптики» [1, С. 167], которые обуславливают бытие самого Зазеркалья как такового.

Отвлекаясь от научных общепсихологических или чисто психологических постановок, проблему можно сформулировать так: что образует «тело» знания, его социальную «субстанцию», в рамках каких социальных «сил» текст, любая информация как чисто вещественное образование становится знанием, опытом, традицией для каждого из нас и социума в целом? [1, С. 168]. Речь идет об одной из тех проблем, которая допуская почти обыденную простоту постановки затронула, тем не менее, фундаментальные основы соответствующей науки. Текст может быть понят, может быть истолкован как знание. Но кем именно? Кто же выступает в качестве понимающего? Очевидно, что этот некто должен владеть языком, на котором произнесен или написан текст, т. е. обладать способностью понимать тексты на данном языке. Иными словами, понимание одного текста предполагает понимание других. Тогда автор, М. А. Розов задается вопросом о том, чем же понимающий отличается от не понимающего? Состоянием нервных клеток? Размером головного мозга? Тут Розов приходит к выводу, что истоки нужно искать в некоторых социальных процессах, имеющих надындивидуальный характер. Проблемы социологии сливаются здесь с социологическими проблемами.

Для понимания текста и вообще для получения какой-либо информации надо знать язык (вербальный и невербальный). А каким образом мы его усваиваем, как он передается от поколения к поколению? Лингвисты давно пришли к пониманию того, что у ребенка нет никаких других возможностей для овладения родным языком кроме как подражать взрослым, т.е. воспроизводить образцы живой речи. Но не означает ли это, что и вся наша культура в конечном итоге живет и передается от поколения к поколению на уровне постоянного воспроизведения непосредственных образцов поведения? [1, С. 168]. Рассуждая, таким образом, мы и приходим к представлению о социальных эстафетах как о некоторых исходных, базовых механизмах социальной памяти. Воспроизводя образцы живой речи, мы учимся говорить, на базе образцов рассуждения усваиваем правила логики, находясь в среде других людей, перенимаем формы их поведения, элементарные трудовые навыки, типы реакций на те, или иные события.

Социум постоянно воспроизводит себя на все новом и новом материале. Меняются люди, объекты с которыми они действуют, но в течении, иногда очень долгого времени, сохраняются

некоторые инварианты, некоторые социальные программы, определяющие поведение и деятельность людей. Эти программы чаще всего нигде не записаны. Но, как же, и где они существуют? На этот вопрос и отвечает концепция социальных эстафет. Социальная эстафета – это воспроизведение человеческого поведения или деятельности по непосредственным образцам [2, С. 152]. Социальные эстафеты – это исходный базовый механизм социальной памяти, который дает о себе знать буквально на каждом шагу независимо от того, с какими явлениями социальной реальности мы имеем дело [3, С. 14]. О социальной памяти говорят давно. Это и понятно. Нам нужно объяснить, каким образом постоянно воспроизводит себя гигантский социальный механизм, каким образом он вовлекает в свою сферу все новые и новые поколения. Конечно, существует социальный институт обучения, сложный и разветвленный. Но легко показать, что в основе лежат совсем другие и гораздо более фундаментальные процессы передачи опыта, которые мы не замечаем. М. А. Розовым было введено понятие социальной памяти при рассмотрении традиций в области производства и передачи знаний, ибо в традициях зафиксирован опыт, который благодаря традициям и сохраняется, составляя художественную память человечества, или память общества вообще. О памяти в связи с традициями пишет и А. Б. Гофман: «Традиции образуют «коллективную память» обществ и социальных групп, обеспечивая их самоидентичность и преемственность в их развитии» [4, С. 8].

Нас окружает различное множество всяких вещей, предметов: зубная щетка, ручка, лопата – любой предмет. Мы можем осуществлять с этими вещами практически неограниченное количество операций: мы можем сломать ручку, использовать ее вместо питьевой трубочки, мешать ею чай, лопатой – обороняться, играть в теннис, рубать, использовать ее вместо весел и т.д. И, тем не менее, каждый из нас хорошо чувствует, что все это не соответствует подлинному предназначению названных предметов. Каким же образом нам задано это подлинное их предназначение? Конечно, можно сослаться на словесные инструкции, но тогда естественно возникает вопрос: а как транслируется, как передается от поколения к поколению сам язык? Почему производимые нами звукоколебания или значки на бумаге начинают для нас что-то значить? Почему одни сочетания звуков или черточек воспринимаются как осмысленные, а другие – как не имеющие смысла? Иными словами, любые знаки, включая и знаки естественного языка, знаки уличного движения, позволяют поставить те же вопросы о природе подлинного их предназначения, что и ручка или любой другой аналогичный предмет.

Нам представляется, что существует только одна более или менее удовлетворительная гипотеза, позволяющая ответить на поставленные выше вопросы. Она состоит в том, что и наши простейшие предметные действия, и язык передаются путем воспроизведения непосредственно демонстрируемых образцов. В одном случае, – это образцы действий с предметами, в другом, – образцы живой речи. Такую передачу опыта от человека к человеку или от поколения к поколению, т. е. передачу его путем воспроизведения образцов или, как говорят, путем подражания мы и будем называть социальными эстафетами [3, С. 14]. В своей статье «Теория социальных эстафет и природа анализа знания» Розов наводит пример простейшей эстафеты, и ее можно представить следующим образом: некто А осуществляет акцию Д', которую Б рассматривает как образец и воспроизводит в виде Д". А и Б – это актуальные участники эстафеты, они могут быть представлены как разными людьми, так и одним человеком, который воспроизводит свои собственные образцы. Наряду с актуальными участниками можно говорить и о потенциальных, к последним относятся те, кто имеет образец Д' в поле своего зрения и способен к его реализации, но фактически по тем или иным причинам этого не делает. Все мы, например, являемся участниками курения, актуальными или потенциальными [1, С. 169].

Для более полного понимания того, что такое социальная эстафета, полезно, как утверждает автор, сопоставить ее с волной. Подобно волне, она относительно безразлична к материалу, ее нельзя с этим материалом идентифицировать. Такие волноподобные социальные явления М. Розов называет социальными куматоидами (от греческого кича – волна). Отдельно взятая эстафета – это и есть элементарный куматоид.

Уже давно было замечено, что социальные явления напоминают волны. Об этом, например, писал еще в конце XIX века известный французский социолог Г. Тард в своей работе «Законы подражания». Теперь рассмотрим эту аналогию более подробно, ибо она этого действительно заслуживает. Представим себе одиночную волну, которая бежит по поверхности водоема. Волна бежит, но частицы воды вовсе не перемещаются вместе с ней. Они описывают некоторые заданные этой волной замкнутые траектории и остаются на месте [5, С. 51]. Допустим, что мы каким-то образом перемещаемся вместе с волной. Относительно нас волна неподвижна, но через

нее протекают все новые и новые частицы воды. Что же такое волна? Она есть нечто совершенно неуловимое в причину того, что она постоянно обновляет себя. По этому поводу М. Розов говорил, что волну нельзя идентифицировать с каким-то материалом, с каким-то куском вещества. Ее нельзя поймать и подержать в руках или зачерпнуть ведром [5, С. 51].

Возьмем в качестве первого примера университет, любой, обычный университет в котором кто-то учиться, а кто-то обучает. В свое время он мог сменить здания и остаться, тем не менее, тем же университетом, со своими планами, традициями, внутренней культурой. Каждые пять лет сменяется состав студентов, каждые три года – состав аспирантов, меняются преподаватели и администрация, но о нем по-прежнему говорят как об университете, который существовал и когда-то. Все это очень напоминает волну по признаку постоянного обновления материала. В такой же мере волну напоминает и любая руководящая должность в университете, будь то декан факультета или ректор и т.д. Очевидно, что все сказанное можно применить к любому социальному институту – к воинской части, предприятию, научному учреждению, политике. Общество в целом тоже волноподобно, поскольку постоянно воспроизводит себя от поколения к поколению в виде сложной программы поведения людей, но на все новом и новом материале.

Отвлекаясь от научных общепсихологических или чисто психологических постановок, проблему можно сформулировать так: что образует «тело» знания, его социальную «субстанцию», в рамках каких социальных «сил» текст как чисто вещественное образование становится знанием, опытом, традицией для каждого из нас и социума в целом? [1, С. 168]. Речь идет об одной из тех проблем, которая, допуская почти обыденную простоту постановки, затронула, тем не менее, фундаментальные основы соответствующей науки. Текст может быть понят, может быть истолкован как знание. Но кем именно? Кто же выступает в качестве понимающего? Очевидно, что этот некто должен владеть языком, на котором произнесен или написан текст, т. е. обладать способностью понимать тексты на данном языке. Иными словами, понимание одного текста предполагает понимание других. Тогда автор, М. А. Розов задается вопросом о том, чем же понимающий отличается от непонимающего? Состоянием нервных клеток? Размером головного мозга? Тут Розов приходит к выводу, что истоки нужно искать в некоторых социальных процессах, имеющих надындивидуальный характер. Проблемы социологии сливаются здесь с социологическими проблемами.

Социальный куматоид – это объект, представляющий собой реализацию некоторой социальной программы поведения на постоянно сменяющемся друг друга материале и в этом плане отдаленно напоминающем одиночную волну на поверхности водоема, которая в своем движении заставляет колебаться все новые и новые частицы воды. Эта особенность волны – относительная независимость от материала, на котором она живет, – позволяет выделить как в природе, так и в обществе, широкий класс волноподобных явлений, объединенных указанной особенностью. В природе, например - это смерч, лесной пожар, живой организм [5, С. 53].

Может возникнуть также вопрос: откуда берутся куматоиды? Если речь идет о каких-то самых первых куматоидах, то это проблема возникновения социума. Она не является проблемой теории эстафет. Социум существует, и меня интересуют закономерности его жизни и эволюции, а как он возник – это проблема палеоантропологии. Уже первобытные технологии предполагали, т. е. включали в себя постоянное воспроизведение образцов. Отношения в рамках первобытной родовой общины должны были как-то закрепляться в социальной памяти.

Другой вопрос – это вопрос о возникновении новых социальных программ в рамках уже существующего социального организма. Надо сказать, что в любой эстафете уже заложена возможность и даже необходимость новаций. Отдельно взятый образец не задает четкого множества реализаций в силу того, что все на все похоже. Содержание образца существенно определяется контекстом. Поэтому в теории эстафет на первое место выдвигается не проблема новаций, а проблема стационарности. А новации неизбежны, ибо любая эстафета неудержимо расширяет объектное поле своих реализаций, если она при этом не терпит неудач, или если ее не сдерживают другие эстафеты. Но любая неудача, кстати, это уже новая программа. Кроме того, при функционировании любых программ, постоянно возникают побочные результаты, которые при некоторых условиях порождают новые программы.

Борис Пастернак, например, писал: «Новое возникает не в отмену старому, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образцов» [6, С. 267]. Да, мы призываем к сохранению и воспроизведению образцов, но в какой степени это осуществимо и осуществимо это вообще? Можно показать, что человека в принципе нельзя превратить в

копировальную машину. И не потому, что он этому сопротивляется или чего-то не умеет, а в силу независящих от человека обстоятельств. Воспроизведение образцов – это вовсе не слепое копирование, вовсе не буквальное повторение того, что делалось раньше. Такое повторение просто невозможно в силу постоянного изменения ситуации, в силу изменения контекста. Даже тривиальный и, казалось бы, очень стандартный производственный акт не может быть воспроизведен без учета этого обстоятельства, ибо он с необходимостью предполагает хотя бы смену материала и орудий труда. В такой же степени изучение языка – это не заучивание готовых фраз, а приобретение способности понимать и строить новые фразы по имеющимся образцам, но в трудно предсказуемом многообразии ситуаций и контекстов. Поэтому сохранение и воспроизведение – это всегда и видоизменение с целью приспособления к новым условиям, видоизменение с целью выживания, а не с целью самоуничтожения.

В историческом развитии человека эстафеты предшествуют речи и обеспечивают закреплению и трансляцию первых трудовых навыков и технологий. Современный ребенок усваивает язык не по словарям и учебникам, а путем воспроизведения образцов речевой деятельности, которые ему демонстрируют окружающие его люди. Каждый человек с первых дней своей жизни становится актуальным или потенциальным участником огромного количества социальных эстафет, определяющих его поведение, речь, восприятие мира.

Главное, чем мы будим интересоваться, говоря о социальных эстафетах – способом передачи опыта от одного человека к другому или от поколения к поколению. Социальная эстафета в ее максимально простом варианте – это воспроизведение различных форм человеческого поведения или деятельности в условиях, когда в нашем распоряжении нет никаких иных средств, кроме непосредственных образцов [5, С. 65]. Такое воспроизведение в дальнейшем мы и будем называть непосредственными эстафетами или просто эстафетами, когда нет особой необходимости подчеркивать их непосредственный характер. Например, первоначальное усвоение языка ребенком не предполагает ничего, кроме включения ребенка в языковую среду. Фиксируя это, мы вовсе не собираемся исследовать психологические механизмы усвоения языка. Важно только одно: каковы бы ни были эти механизмы, у ребенка нет никаких источников информации о языке, кроме демонстрируемых ему образцов живой речи.

Говоря об образцах, мы, прежде всего, имеем в виду образцы живой деятельности или поведения, а не образцы одних только вещей или ситуаций. Конечно, нельзя продемонстрировать деятельность, не демонстрируя в тоже время исходный материал, орудия и продукты, но в деятельности все это увязано с теми операциями, которые мы осуществляем. Возможны случаи, когда в нашем распоряжении имеется только образец продукта, который был кем-то получен и нам надо получить такой же, аналогичный. Это особый случай, напоминающий эстафету, но гораздо более сложный, ибо непосредственный образец действий здесь тоже отсутствует, как и в случае вербализованных эстафет, и мы должны его реконструировать [5, С. 66].

Нужно также отметить неудачи при реализации образцов. Все это время мы говорили только о тех образцах, которые постоянно воспроизводятся. Но существуют и образцы запреты, образцы каких либо акций, которые приводили не к тем результатам, которые хотелось бы получить. Наверное, функционирование любой эстафеты ограничено некоторым множеством ситуаций, за пределами которого нас будет постигать неудача при реализации образцов, поскольку есть вещи о которых мы не можем все знать: не каждую проблему можно решить привычным путем, не по любой дороге можно проехать на автомобиле, не каждому человеку можно говорить те слова, которые вы обычно говорите своим знакомым, не все растения можно употреблять в пищу. Проблема в том, что образцы-запреты не должны, казалось бы, постоянно воспроизводиться, в то время как негативный опыт должен передаваться от человека к человеку, от поколения к поколению. Мы не будем здесь рассматривать эту проблему, но создается впечатление, что негативный опыт закрепляется в социальной памяти значительно хуже, чем позитивный и человечество не склонно учиться на своих ошибках [7, С. 54].

Механизм воспроизведения образцов явно имеет не только биологический, но и социальный характер. Это последнее и должно нас интересовать, прежде всего. И ключевым положением тут является следующее: отдельно взятый образец в принципе не может быть однозначно воспроизведен в силу того, что все на все похоже в том или ином отношении. Ребенок, которому сказали «это – яблоко», указав на соответствующий предмет, может потом назвать словом «яблоко» или «обоко» и яйцо, и зеленый мячик, и многое другое [5, С. 67.]. Он при этом совершенно прав, ибо на яблоко, в том или ином отношении, похоже множество предметов. Иными словами, образец сам по себе не

задает четкого множества возможных реализаций. Если эстафетный механизм все же постоянно срабатывает, то только потому, что мы имеем дело не с одним, а с множеством образцов, ограничивающих друг друга; образец становится образцом только в контексте других образцов, других эстафет, только в составе определенных эстафетных структур [5, С. 67.]. Это означает, что понять механизм эстафет нельзя в рамках элементаристских представлений: отдельно взятых эстафет просто не существует и не может существовать, они возникают только в рамках некоторого эстафетного универсума, в рамках определенной социальной среды. Образцы воспроизводит вовсе не отдельный человек как биологический индивид. В качестве участника тех или иных эстафет всегда выступает представитель определенной культуры.

Выше сказанное означает, что социальные эстафеты крайне динамичны, ибо воспроизведение образцов существенно зависит от обстоятельств, при которых это происходит, от конкретного «контекста», заданного другими образцами [5, С. 68.]. Эстафеты в этом случае не следует смешивать с традициями, которые существуют столетиями. Говоря о социальных эстафетах, мы имеем в виду механизмы человеческого поведения здесь и сейчас, т. е. в рамках конкретного среза времени, не имеющего, грубо говоря, исторических масштабов. Но тут же может возникнуть вопрос, какие конкретно отрезки времени имеются в виду? На этот вопрос нельзя точно ответить, но каждому ясно, что в некоторых пределах мы можем предполагать постоянство нашего языка, образа жизни, культуры в целом. Другое дело – традиции. На протяжении столетий они реализуют себя в разных ситуациях и социальных контактах, существенно меняясь и сохраняя иногда только видимость инвариантности.

В. Я. Пропп наводит по этому поводу прекрасный пример, ведя речь о первобытных сказках: «Важно, однако, подчеркнуть, что волшебная сказка не стационарна; возникнув в недрах первобытного обряда, она затем постоянно изменяется. Дальнейшее образование сюжета, – пишет Пропп, – мы на основе всего здесь сказанного должны представить себе так, что данный стержень раз создавшись, впитывает в себя из новой, более поздней действительности некоторые новые частности или осложнения. С другой стороны, новая жизнь создает новые жанры, вырастающие уже на иной почве. Другими словами, развитие идет путем наслоений, путем замен, переосмысления и т. д., С другой же стороны – путем новообразований [8, С. 353-354.].

Конечно, чтобы жить так долго традиция должна была приобрести какие-то новые функции, какую-то новую роль, которая оправдывала бы ее существование в мире. Интересную гипотезу на этот счет высказывает И. И. Ревзин: «Сказка функционирует в коллективе как образец, парадигма... связного текста, на который носитель языка ориентируется при составлении новых текстов» [9, С. 90.]. Пример показывает, что механизм жизни традиций - это нечто гораздо более сложное, чем механизм социальных эстафет. На базе концепции социальных эстафет нам надо еще построить теорию традиций. « Я говорю на базе, ибо в каждом временном срезе мы живем в мире эстафет и действуем в конечном итоге по непосредственным образцам» [5, С. 69.].

В данной работе я старался показать, что все социальные явления – это куматоиды, в основе жизни которых лежит механизм социальных эстафет. Постоянно воспроизводимые образцы – это и есть исходный способ бытия социальных программ. На их основе возникает язык и речь, и социальные программы приобретают форму вербализованных образцов или конкретных словесных предписаний. Именно понятие социальной эстафеты – элементарного социального куматоида является ключевым для моей работы. Вводя это понятие, мы тем самым получаем некоторый общий подход к изучению социальных явлений, некоторый зародыш особой фундаментальной дисциплины в рамках социальных наук. Социальные эстафеты – это, образно говоря «элементарные частицы», образующие социум. И в такой же степени, как элементарные частицы в физике, они не существуют изолировано, но только в рамках социального целого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Задачи и проблемы философии науки. На теневой стороне. // Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке, Новосибирск, 2004. — 455 с.
2. Розов М. А. Беседа А. Г. Егорова с М. А. Розовым. // Феномен социальных эстафет. Сборник статей, — М. А. Розов, Смоленск, 2004. — 284 с.
3. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблема анализа знания // Теория социальных эстафет: История — Идеи — Перспективы. / М. А. Розов. — Новосибирский государственный университет, 1997. — С.14.

© Пунченко О.П.

4. Гофман А. Б. Традиции // Культурология : XX век. Словарь, А. Б. Гофман, — СПб.: Университетская книга, 1997. — С. 8.
5. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / М. А. Розов. — Смоленск, 2006. — С. 51.
6. Пастернак Б. Охранная грамота // Воздушные пути. / Б. Пастернак. — М., 1982. — С. 267.
7. Розов М. А. . От зерен фасоли к зернам истины // Вопросы философии. / М. А. Розов. — М., 1990, №7.
8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. / В. Я. Пропп. — Л., 1986. — С. 353-354.
9. Ревзин И. И. К общественному истолкованию трех постулатов Проппа // Типологические исследования по фольклору. / И. И. Пропп. — М., 1975. — С.90.

Пунченко О.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова.

УДК 37.01:15

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

В статье исследуется сущность философского дискурса и его место в структуре рациональности. Объясняются его виды и регулятивные принципы. Когнитивный аспект раскрывается через аргументацию, которая задает свою категориальную «геометрию» мышления.

Ключевые слова: мышление, рациональность, дискурс, аргументация, диалог, когнитивное, регулятивные принципы, познание.

КОГНИТИВНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФСЬКОГО ДИСКУРСУ

У статті досліджується сутність філософського дискурсу та його місце у структурі раціональності. З'ясовуються його види та регулятивні принципи. Когнітивний аспект розкривається через аргументацію, яка задає свою категоріальну „геометрію” мислення.

Ключові слова: мислення, раціональність, дискурс, аргументація, діалог, когнітивне, регулятивні принципи, пізнання

COGNITIVE ASPECTS OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The article investigates the entity of philosophical discourse and its place in the structure of rationality. It explains its kinds and regulative principles. Cognitive aspect is revealed through the argumentation which sets its categorical "geometry" of thinking.

Keywords: thinking, rationality, discourse, argumentation, dialogue, cognitive, regulative principles, cognition.

Постановка проблемы. В культурной динамике ареала науки постоянно складываются различные метасубъективные и интеробъективные дискурсивные образования, выражающие исторические, культурно- и топологически- определенные формы ментальности, производства и трансляции культурного опыта. Взятые в синхронном срезе они образуют пространство идентификации субъекта с окружающей его социальной действительностью, существенно определяя его мировоззренческие установки и действия. Рациональность его мышления и деятельности выступает одной из ключевых ценностей культуры. Эта ценность связана с включением новых теоретических представлений в культуру, что обеспечивает преемственность в развитии интеллектуального потенциала человечества. Новые теоретические представления способны трансформировать культурные стереотипы, внести в культуру системные изменения.

Основой всех этих процессов выступает рациональность, неотъемлемой составляющей которого выступает дискурс, что дало К.А. Зуеву и Е.А. Кроткову ввести понятие дискурсной модели научной рациональности.

Проблема рациональности нашла свое обоснование в работах В.С. Степина, И.С. Алексева, А.А. Ивина, А.А. Лазаревича, В.В. Позднякова, В.Н. Поруса, В. Дильтея, Ж. Делёза, В. Ньютона-Смита, К. Поппера, Р. Рорти, М. Хайдеггера, К. Хьюбнера и многих других. Взаимосвязи рациональности и дискурса посвящены работы Ю. Хабермаса и др.

В научной литературе существует множество подходов к понятию «дискурс». Однако, проблем